

Новое определение мира

Утверждая, что ЕС превращается в «военный проект» на фоне российской агрессии, многие проевропейцы идеализируют его историю

В марте президент Европейского совета Шарль Мишель написал статью, которую опубликовали несколько европейских изданий, где заявил, что Европейский союз должен «готовиться к войне». Это уже стало общепринятым среди «провропейцев» взглядом на то, как именно ЕС меняется или должен измениться. Но, описывая, как ЕС меняется или должен измениться в ответ на российскую агрессию, люди идеализируют его историю, в которой видят «мирный проект» – типично для «провропейцев», которые склонны идеализировать ЕС даже тогда, когда критикуют его.

Сейчас, кажется, существует консенсус, что ЕС должен «перейти в режим военной экономики», по выражению еврокомиссара по вопросам внутреннего рынка Тьерри Бретона. Марк Леонард даже сказал, что он должен превратиться из мирного проекта в «военный проект». Конечно, такие люди, как Бретон и Леонард, не считают, что даже в случае превращения ЕС в «военный проект» европейцам следует отказаться от стремления к миру. Скорее их (несколько оруэлловская) логика заключается в том, что надо идти на войну ради мира.

*В воображении
«провропейцев»
довольно конкретный
отказ от применения
силы против других
членов ЕС
трансформировался в
якобы уникальное
миролюбие европейцев*

Проблема идеи перехода от мирного проекта к военному (даже если ЕС продолжит считать себя мирным) – идеализация истории ЕС как «мирного проекта». На самом деле после Второй мировой войны европейцы стали отвергать войну друг с другом, но не войну в целом. Однако в воображении «провропейцев» довольно конкретный отказ от применения силы против других членов ЕС трансформировался в якобы уникальное миролюбие европейцев.

Когда министр иностранных дел Франции Робер Шуман в 1950 году обнародовал свою знаменитую декларацию – начало идеи ЕС как мирного проекта – Франция вела жестокую колониальную войну в Индокитае. Также, когда в 1957 году был подписан Римский договор, Франция вела еще одну жестокую колониальную войну, на этот раз в Алжире (и еще одну в Камеруне, что задокументировали Томас Дельтомб и другие). Даже после завершения холодной войны европейцы были достаточно склонны к применению военной силы – и применили гораздо больше, чем, скажем, Китай. Тем не менее они продолжают считать себя уникально миролюбивыми.

Кто с нами, а кто нет?

Поскольку ЕС выступает за мир, мне кажется, что, опираясь на идею Тайлера Стоуэлла о «белой свободе», можно считать его «белым миром» – миром друг с другом, но не с остальным миром. С таким подходом мобилизация на войну против России не будет таким большим разрывом с историей ЕС, как утверждают «роевропейцы» вроде Мишеля и Леонарда. В конце концов, европейский проект всегда имел внешних врагов, которым себя противопоставлял. В 1950-х годах в Европейском экономическом сообществе видели христианский цивилизационный оплот против «азиатского» Советского Союза.

Сейчас, на фоне войны в Украине, роль самого ЕС в военных конфликтах действительно меняется, например, через создание так называемого Европейского фонда мира (ЕФМ) в 2021 году, но использован он был для предоставления оружия третьей стране только после российского вторжения. Тем не менее ЕФМ – это скорее техническое изменение того, как именно европейцы коллективно поставляют оружие. Она меняет роль институтов ЕС, но не ЕС в целом (то есть как коллектива из 27 государств-членов) в вопросах военной силы.

На самом деле изменения заключаются не столько в том, что ЕС становится «военным проектом», сколько в том, что он более четко определяет, кто к нему

Как бы там ни было, главным гарантом европейской безопасности продолжает оставаться НАТО, чья роль в европейской безопасности возросла из-за войны в Украине, а не ЕС. Несмотря на всю шумиху о «геополитической Европе», роль ЕС остается преимущественно экономической – введение санкций, стимулирование и поддержка оборонной промышленности

принадлежит, а кто нет

в странах – членах ЕС. Поэтому изменения, похоже, не слишком значительные.

До февраля 2022 года между членами ЕС не было согласия относительно принадлежности России или Украины к ЕС. Например, на саммите G7 в Биаррице в 2019 году президент Франции Эмманюэль Макрон заявил, что «Россия полностью европейская по ценностям». В то же время многие сомневались, принадлежит ли Украина к ЕС. Но за прошедшие два года сформировался новый четкий консенсус: Украина с нами, а Россия – нет.

ЕС меняется и развивается, как всегда: в конце концов, европейская интеграция – это процесс. Но «роевропейцы» неправильно характеризуют изменения, потому что идеализируют историю ЕС как мирный проект. На самом деле изменения заключаются не столько в том, что ЕС становится «военным проектом», сколько в том, что он более четко определяет, кто к нему принадлежит, а кто нет.

Ханс Кунднани

Ханс Кунднани (Hans Kundnani) – старший научный сотрудник **Chatham House** в Лондоне. Ранее он был старшим трансатлантическим научным сотрудником Европейской программы Немецкого фонда Маршалла в Берлине. До того выпускник Оксфорда пять лет занимал должность научного директора Европейского совета по международным отношениям (ECFR). Его последняя книга «Белая европейскость: Культура, империя и раса в европейском проекте» вышла в 2023 году.

